

УДК 821.112.2

ХРИСТИАНСКИЕ И ЯЗЫЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЭПОСЕ

Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ

(Полоцкий государственный университет)

Исследуются христианские и языческие мотивы средневекового эпоса на примере латинской поэмы «Вальтариус» и германского эпоса «Песнь о нибелунгах». Теоретическую основу исследования составляют труды А.Я. Гуревича, отдельные работы М.Л. Гаспарова и Н.А. Ганиной, посвященные анализу данных средневековых памятников. Внешне насыщенная христианскими элементами германская «Песнь о нибелунгах» по своему содержанию очень близка героическим песням, поскольку в ней особое место уделяется вещим снам, предсказаниям, мифическим подвигам и героической чести. В то же время «Вальтариус», являясь латинским эпосом, служит отражением христианских догм, таких как покорность, смирение, богобоязненность, вера в бессмертие души и пр. Наличие общей сюжетной поэмы, обусловленное единым историческим фоном, позволяет сравнивать эти произведения. Сравнительная характеристика данных поэмы позволит уточнить композиционные элементы эпосов и соотнести их с историческими событиями прошлого.

Введение. Эпоху средневековья, как и эпосы, созданные в этот период, отличает противоречивое сосуществование языческого и христианского мировоззрений. Нередко под покровом христианских догм продолжалась жизнь архаических верований и представлений. Следовательно, и сам хронотоп средневекового эпоса был обусловлен синтезом культур как минимум двух эпох: вневременной мифической древностью варварских времен и современностью средневековой культуры христианства. На примере латинского «Вальтариуса» и германской «Песни о нибелунгах» как великих образцов средневековой культуры германских народов ярко представлена специфика хронотопической картины средневекового мира. Обладающие общей сюжетикой эпосы, тем не менее, принадлежат различным периодам развития средневековой литературы.

Религиозность авторов данных эпосов, отношение их к христианству и к язычеству, дух, которым проникнуты произведения, – в высшей степени сложные проблемы, которые не удастся однозначно разрешить исследователям и «Песни о нибелунгах», и «Вальтария». Одни ученые исходя из многократных упоминаний в «Песни о нибелунгах» бога, церковных обрядов, священнослужителей утверждают, что она ни в чем не противоречит господствующей религии. Другие же, опираясь на анализ этики, жизненных установок и побуждений персонажей, указывают на ее языческое содержание. Противоречивость трактовки религиозно-идеологического содержания песни вынуждает быть сугубо осторожным в интерпретации соответствующих мест и высказываний. По мнению М.Л. Гаспарова, «Вальтарий» также не однозначен: «По содержанию поэма принадлежит германскому фольклору эпохи переселения народов; по форме она представляет собой имитацию <...> лучших образцов унаследованной от античности латинской поэзии» [1, с. 442].

Основная часть. Сведения о средневековой картине мира можно почерпнуть из мифологии и эпоса, которые, однако, существовали преимущественно в устной форме. Записанные многим позже они подвергались изменениям и дополнениям [2, с. 54]. Наше внимание привлекает средневековый эпос еще и потому, что в нем находят свое отражение как хроники-летописи, так и мифы. Авторы средневековья не видели различия в описываемых ими событиях и поэтому многие вымышленные факты воспринимались ими как достоверные. Следовательно, эпос, как и хроники, и мифология того периода, не лишен историчности, но и утверждать о подлинности эпических фактов будет неверным. Эпическая история – это уже своя история со своей хронологией и героями [3].

Общность сюжетной и исторические факты, нашедшие отражение в обоих эпосах, позволяют нам их сравнивать. Так, территории, на которых разворачивается действие «Вальтария», примерно те же, что и место действия второй части «Песни о нибелунгах». Эпические герои «Вальтариуса» те же, что и в германском эпосе, лишь имена их латинизированы: Вальтарий (*Waltharius*) – от Вальтера, под латинизированными именами выступают в поэме и другие персонажи – Хаген (*Haganon*), Гунтер (*Guntharius*) и пр. [4, с. 104 – 108]. В обоих поэмах не нарушена вассальная связь Хагена с королем Гунтером, сыном короля Гибихунга, живущего на Рейне в Вормсе, однако в «Песни о нибелунгах» это не франки, как в «Вальтариусе», а бургунды. О связи Хагена и Этцеля в «Песни о нибелунгах» имеются следующие указания: «*Dâ von ich wol erkenne / allez Hagenen sint. // ez wurden mîne gîsel / zwei wætlîchiu kint, // er unde von Spânje Walther¹, / die wuohsen hie ze man. // Hagen sande ich wider heim: / Wâlther mit Hiltegunt entran*» (1756) [5, S. 528]. Хаген, по словам Этцеля, был им отпущен на родину. В «Вальтарии» он несколько лет провел в плену у гуннского короля и бежал из страны Этцеля. В таком случае вряд ли он мог бы быть гостем Этцеля, согласно «Песни».

¹ Под именем Вальтер Испанский имеется в виду герой многих средневековых немецких эпических поэмы Вальтер Аквитанский, т.е. вестготский, так как в эпоху переселения народов вестготское королевство занимало территорию нынешней Испании и Южной Франции, именовавшейся тогда Аквитанией [9, с. 319].

В «Вальтариусе» встречается и понятие *nebulones*, буквально «туманные люди» [1, с. 554], которое здесь применено к франкам, т.е. к Гунтеру и его людям. Возможно, здесь сыграло роль скандинавское наименование нибелунгов – *niflungar* (*hniflungar*), или от немецкого *Nebel* – туман.

В обоих произведениях золото и богатство – источник раздора. Движимые алчностью и тщеславием, герои подвергают себя испытаниям и бедам. Несметные сокровища несут беду и влекут за собой сражения. В «Вальтариусе» славные воины Гунтер, Хаген и Вальтер наносят друг другу сильные увечья, а в эпосе о нибелунгах, Хаген и Гунтер погибают в роковой битве. Примечательно то, что в обеих поэмах присутствует мотив предсказания этих бед. Это, прежде всего, вещие сны, предупреждения Хагена и предсказания вещих дев (в «Песни о нибелунгах»).

В «Вальтариусе» княжна Оспирин, занимающаяся воспитанием Хильдегунды, предупреждает Аттилу о возможном побеге Вальтария. В «Песни о нибелунгах» Кримхильда видит вещие сны, предсказывающие гибель ее супруга. Мотив предсказаний восходит к языческой древности. В «Песни о нибелунгах» «вещие жены» именуется *terwîp*, словом, бытовавшим еще в древневерхненемецком. Имеются сведения, что «существовал ряд обозначений женского мифического существа, живущего в лесу, купающегося в источнике и, как правило, наделенного способностью предсказывать судьбу». Это *terwîp*, *terminne*, *waltminne*, *wildaz wîp* [6]. Именно в уста вещих дев автор «Песни» вкладывает предсказание о гибели нибелунгов. Однако трудно сказать, как мыслил себе это предсказание автор эпоса: было ли то веление старогерманской судьбы (беду предсказывают русалки), либо воля Господа (ведь спасение уготовано было одному лишь капеллану, который сопровождал армию и был сброшен в реку испытующим судьбу Хагеном)? Во всяком случае, приговор высшей силы уже известен. Но вот прибывшие в гуннскую столицу бургунды утром собираются в собор, и Хаген призывает всех и каждого покаяться пред Богом в грехах и знать, *«ez enwêlle got von himele, / ir vernémet messe nimmer mër»* [5, S. 558] – «Коль вас Господь отринет, / вам к мессе больше не ходить» (1856, 4) [7, с. 369]. Последняя оговорка в устах Хагена, не сомневающегося в правильности рокового прорицания, кажется нелогичной. Неужели Хаген рассчитывает на Божью помощь?

Роль Хагена в обоих эпосах велика, поскольку он является своего рода «связующим звеном» между языческим и христианским мирами. Лишь ему известны подвиги Зигфрида, о чем он предупреждает бургундского короля Гунтера: *«sîn lîp der ist sô küene, / man sol in holden hân»* [5, S. 36] – «Поласковее надо / нам быть с таким боицом» (101, 3) [7, с. 153]. Однако во второй части бургунды уже не столь ласковы к их побратиму и коварно убивают его. В «Вальтариусе» Хаген видит вещий сон об увечьи своего короля и предостерегает Гунтера, зная силу Вальтария, но и здесь Гунтер жестоко поплатился за послушание. Хаген – значительный образ обоих эпосов, не язычник и не христианин, он выступает в роли посредника между язычеством и христианством.

Несмотря на многочисленные упоминания Господа Бога в поэме, герои «Вальтариуса», как и «Песни о нибелунгах», мстительны и непокорны. Так, Гунтер пытается вернуть якобы сокровища своего отца, данные им гуннам, и обещает мстить за пролитую кровь: *«Den Tod süht nur der Tod. Blut heischet wieder Blut»* (стб. 717), или око за око, зуб за зуб. В «Песни» Гунтер перед кладом нибелунгов пренебрегает счастьем сестры и дает согласие на убийство Зигфрида. Эпические герои движимы тщеславием и алчностью. Честь для эпического героя – превыше всех благ. Единственное, чем руководствуются герои латинской поэмы – не спасение души, а *«sich Ehre zu gewinnen»* (стб. 61), т.е. земная слава, или честь. Так, мать бургундских королей, предчувствуя, что их визит в державу Этцеля не кончится благополучно, говорит: *«got müez' ir êre dâ bewarn»* – «Да сохраним же Господь их честь» (1508, 4) [7, с. 323]. Не жизнь и не счастье, но честь занимает ведущее место в жизни германцев. Для героического времени умереть в бою – наивысшая ценность для воина. Но мотив чести упоминается не только в отношении мужей, он характерен и для жен славных воинов. Так, задетая честь Брюнхильды становится основной коллизией поэмы «Песнь о нибелунгах», в результате чего обидчика предательски убивает Хаген, верный вассал Гунтера и его жены Брюнхильды.

Понятие чести играет большую роль в эпизоде смерти Зигфрида. Кримхильда, увидев убитого мужа, понимает, что он погиб не в бою, поскольку меч его не в крови. Она понимает: Зигфрид предательски убит, это требует жестокого отмщения. Для Кримхильды важно, какой смертью умер ее муж. Если поединок происходил честно, в турнирной или объявленной борьбе, то убийство часто не считалось серьезным преступлением. Но, если «убийство было подлым, спланированным, то это был законный повод для мести всего рода» [8]. Согласно германским верованиям, погибший в бою воин отправлялся в Валгаллу, нечестный поединок или самоубийство вели его душу в Хель, или подземное царство. И в «Вальтариусе», несмотря на религиозную окраску поэмы, автор упоминает некоего властелина подземного царства и называет его *«der alte Drachen»*, к нему попадает душа племянника Хагена. Автор описывает, как душа Патафрида отправляется лесным зверям на съедение: *«Die Seele flog von dannen, es ward sein junger Leib // Dem wilden Waldgetiere ein Fraß und Zeitvertrieb»*. Данные мотивы очень схожи с верованиями в германской героической поэзии, поскольку христианство акцентировало тленность всего земного, тленность в буквальном смысле слова: труп гниет в могиле. Противоречивым также является и то, что в поэме есть указания на то, что души смелых воинов, павших на поле брани, сопровождают духи смерти *«Todesgeister»*. В отличие от латинской поэмы, в «Песни о нибелунгах» не упоминаются ни врата Рая, ни понятие души. Убитый мертв – и только. Зигфрид, однако, не умирает сразу, он еще некоторое время препирается с бургундами и не сдается смерти: *dô rang er mit dem tôde. / unlange tet er daz, // want des tôdes wâfen / ie ze sêre sneit. // dô mohte reden niht mære / der recke küen' unt gemeint* (998, 2 – 4) [5, S. 302]. Он не желает покориться судьбе.

Непокорность выражают и главные героини эпосов – это так называемые «Хильды», Кримхильда и Хильдегунда. Возлюбленная Вальтария, не желая подчиниться несчастной участи, просит любимого лишить ее жизни, чтобы не достаться другому: «*Nun, fleh' ich, mein Gebieter, hau ab mein junges Haupt, // Daß, so ich dein nicht werde, kein andrer Mann mich raubt!*» (543 – 544). Кримхильда же, веря вешему сну о несчастном супружестве, также пытается избежать судьбы и говорит матери: «*ez ist an manegen wîben / vil dicke worden scîn, // wie liebê mit leide / ze jungest lônên kan. // ich sol si mîden beide, / sone kân mir nimmer missegân*» (17, 2 – 4) [5, S. 10] – «Останусь я в девицах – меня минует жребий злой» (17, 4) [7, с. 143].

Языческими мотивами обусловлено и поведение Зигфрида. Главный герой эпопеи предстает то придворным рыцарем, участвующим в турнирах при дворе нидерландского короля и в гостях у бургундов; то диким варваром, сражающимся с драконом и нибелунгами. Зигфрид, порой, попав в придворное окружение, забывает надеть маску и показывает свою дикую природу. При первой встрече с бургундскими королями в нем играет эта первобытная, неукрошенная сила, и он требует от Гибихунгов отдать ему свои владения. Именно Зигфрид знаком с Брюнхильдой, называемой в «Песни» девой-воительницей. Но автор эпоса не ссылается на скандинавские источники, повествующие о браке Зигфрида с Брюнхильдой: тогдашняя публика хорошо понимала намеки на уже давно известные сюжеты. Однако то, что только Зигфриду известен путь в Исландию и только он способен преодолеть все испытания Брюнхильды, говорит о том, что как Зигфрид, так и Брюнхильда имели древнее, сродни мифическому, происхождение.

Поэма «Вальтарий» представляется более свободной от языческих мотивов. Здесь многочисленные упоминания Господа Бога, искренние взывания Вальтера к Божьей помощи, чего не скажешь о героях «Песни о нибелунгах». В эпосе о нибелунгах присутствует свое христианство, т.е. религиозность в той степени, в какой она изображена в эпосе, может и не отражать христианских догм: королевы ссорятся у входа в храм, а Хаген пытается утопить капеллана, слугу Бога.

Иногда, конечно, имя Господа упоминается всуе. Сокровища возвращаются во франкскую державу, по мнению Гунтера, благодаря Божьей милости: «*den hat ein guter Gott zurück mir jetzt gebracht!*» Впрочем, сам мотив сокровищ имеет языческое происхождение. Благодаря раздариванию драгоценностей короли собирали себе многочисленное войско. Гостей также встречали и провожали подарками, поскольку, с одной стороны, это гарантировало славу королю и неприкосновенность его землям. Поэтому процедура одаривания подарками и роскошных приготовлений в путь, хотя и соответствовала придворному этикету, корнями своими уходила в языческое прошлое. Тот, кто раздавал щедрые дары, обладал несметными сокровищами. Неспроста клад нибелунгов притягивает к себе эпических героев. Кто владеет кладом, тот могуч, тому принадлежит и власть, ибо клад в эпосе фигурирует в качестве символа господства; в сознании Кримхильды клад и власть, к тому же, слились с образом Зигфрида. Несчастливая вдова, желая вернуть себе клад, забывает о своем благородном происхождении и показывает свою сущность в конце поэмы на примере эпизода ссоры с Хагеном. Бургунды прибывают к гуннскому двору. Кримхильда встречает их неласково и, заметив недовольство Хагена, говорит ему: «*waz ir mir bringet / von Wormez über Rîn, // dar umb ir mir sô grôze / soldet willekomen sîn*» [5, S. 522] – «Что вы такое с Рейна / из Вормса привезли, // Из-за чего б быть гостем / моим желанным здесь могли?» (1739, 3 – 4) [7, с. 352]. Она явно намекает на отобранный у нее клад нибелунгов. Это ее замечание в высшей степени существенно для понимания смысла конфликта между Кримхильдой и бургундами. Хаген же старается уколоть королеву и с насмешкой отвечает, что он не знал, «*daz iu gâbe solden / bringen degene, // ich wære wol sô rîche, / het ich mich baz verdâht, // daz ich iu mîne gâbe / her ze lande hete brâht*» – «Что витязи подарки / должны вам приносить, // Будь я богат настолько, / я б не забыл тогда // Про это и подарок / привез бы вам с собой сюда» (1740, 2 – 4) [7, с. 352]. Ирония здесь глубже и злее: ведь в феодальном обществе подарки делают господа вассалам, вообще лица, которые стоят выше на социальной лестнице, тем, кто занимает более скромное положение, но не наоборот, ибо получивший дар считался подвластным подарившему: а королева якобы желает подарка от Хагена! Такое предположение оскорбительно. Вот в чем заключается тонкая издевка, вполне понятная средневековой аудитории: своими требованиями Кримхильда нарушает сословный этикет! [10].

Образ Кримхильды в поэме противоречив, она проявляет двоякую сущность. Если в начале «Песни» это кроткая любящая девушка, то в конце эпопеи она превращается в жестокую мстительницу, не знающую сострадания, Хаген нередко называет ее «*Teufelin*». Примечательно и то, что и в «Вальтариусе» наряду с Божьим именем также используется упоминание «*Teufel*» в отношении самого Вальтария. Естественно, в период господства христианской религии тот, кто внушал людям страх, имел, несомненно, дьявольское происхождение. Во второй части поэмы Кримхильда проявляет качества, не характерные для бургундской королевны. В начале эпопеи она щедро одаривает бойцов, учтиво встречает гостей, что требовалось от женщины в феодальном окружении, охотно участвует в подготовке нарядов к походу своих братьев и делает многое другое согласно правилам придворного этикета. И вот наружу выходит ее истинная суть: она превращается в «дьяволицу», поскольку в Средние века так называли одержимого человека. Это находит оправдание ее поступкам: ненависть к брату и его убийство, что «доводит ее до уничтожения собственного сына, братьев и самой себя ради отмщения за некогда погибшего Зигфрида» [11, с. 121]. Весь придворный лоск исчезает, и Кримхильда прислушивается лишь к необузданным желаниям мести. Кримхильда всеми силами добивается возвращения клада нибелунгов – источника власти, превращаясь тем самым из щедрой дарительницы в кровожадную мстительницу. Образ Кримхильды является вопло-

щением эпохи смены одного мировоззрения другим. Внешне это был процесс христианизации, но по содержанию своему представлял собой все еще прочную систему языческих верований. Поэтому уместно замечание А.Я. Гуревича, что вся «система ритуалов, формул, торжественных актов, правовых процедур, церемоний <...> впитала в себя немалую долю символического материала, который восходил нередко еще к варварской эпохе» [11, с. 94]. Следовательно, и «Песнь о нибелунгах» как величайший памятник средневековой германской культуры – произведение, фундаментом которому служит прочная система языческих верований, обрамленных в феодальный эпос.

Заключение. Несмотря на то, что «Песнь о нибелунгах» возникла в период расцвета средневековой культуры, в ней постулаты средневековой догматики нередко вытесняются языческими представлениями о мире. Не свободен от языческих мотивов и «Вальтариус», хотя отражает по большей мере христианские мотивы. Данный факт свидетельствует о том, что, несмотря на наличие язычества в некоторых сословиях средневекового общества, христианство начинает отвоевывать себе значительное место в культуре германских народов и их соседей. Возможно, и составители средневековых поэм не были простолюдинами, чтобы в полной мере быть способными отразить мировоззрение большинства, однако они и не были элитной прослойкой общества. Несомненно, в эпосах прослеживается как христианская, так и языческая символика. Особенно ярко выражена эта многоплановость в «Песни о нибелунгах». Но мы не преувеличиваем способности средневекового поэта, который создал композиционное единство нескольких эпох. Автор просто был свидетелем противостояния мировоззрений и смены эпох. Он изображал то, свидетелем чего был сам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники средневековой латинской литературы. VIII – IX века / отв. ред. М.Л. Гаспаров; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2006. – 480 с.
2. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
3. Шаталова, М. Конспект лекций на тему: Эпос. Основные характеристики / М. Шаталова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zar.literatura.narod.ru/k2.htm>. – Дата доступа: 07.06.2010.
4. Kusch, H. Einführung in das lateinische Mittelalter / H. Kusch. Bd. I: Dichtung. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1957. – 683 S.
5. Boor, H. de. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch / H. de Boor, K. Bartsch. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2003. – 1045 S.
6. Ганина, Н.А. Норны: к генезису и ареальным параллелям образа // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. – М., 2002. – С. 212 – 227 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/articles/ganina/nornir.html>. – Дата доступа: 17.01.2012.
7. Кудряшев, М.И. Песнь о нибелунгах. С введением и примечаниями / М.И. Кудряшев. – СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1889. – 440 с.
8. Вальков, Д.В. Социально-психологический аспект феодальных отношений в «Песни о нибелунгах» / Д.В. Вальков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Valkov.htm-10k-. – Дата доступа: 14.09.2010.
9. Старонемецкий эпос: «Песнь о Нибелунгах» / под ред. В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1972. – 881 с.
10. Гуревич, А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» / А.Я. Гуревич. Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М., 1976. – С. 276 – 314 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvotech.com/gurevich-76a>. – Дата доступа: 10.01.2012.
11. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.

Поступила 18.12.2011

CHRISTIAN AND HEATHEN MOTIVES IN THE MEDIEVAL EPIC

E. LUSHNEVSKAYA

On the example of the Latin poem of “Waltharius” and German epos “The Song of the Nibelungs” christian and heathen motives of medieval epos are investigated. The works of A.Y. Gurevich, separate articles of M.L. Gasparov and N.A. Ganina, are fixed in basis of theoretical research, sanctified to the analysis of these medieval monuments. Outwardly saturated by christian elements German “The Song of the Nibelungs” on the maintenance is very near to the heroic songs, as in her the special place is spared to prophetic sleeps, predictions, to the mythical exploits and heroic honour. At the same time the poem “Waltharius”, being the Latin epos, serves as the reflection of christian dogmas, such as obedience, humility, godfearingness, faith in immortality of the soul, etc. Presence general plots of poems, conditioned by a single historical background, allows to compare these works. Comparative description of these poems will allow to specify the composition elements of eposes and correlate them with the historical events of the past.